

нитарной науке, в развитии которой в нашей стране накоплен немалый опыт и который еще недостаточно учитывается и используется. «История науки в 18—20 веках не может быть познана без истории русской науки», — писал Владимир Иванович Вернадский в начале 20-х годов в связи с созданием у нас АН СССР.

В лучших традициях отечественной гуманитарной науки всегда были высокая компетентность, научный профессионализм, гражданская ответственность ученых. Научная и общественная значимость трудов ученых-гуманитариев, резонанс их работ за рубежом зависит прежде всего от качества исследований, от их глубины, объективности, научной обоснованности, иными словами, от их фундаментальности, а значит, и от актуальности, определяющейся не злободневностью, а реальной значимостью той или иной проблемы. Поэтому главная задача состоит сейчас в повышении профессионального уровня и качества всей научной и педагогической деятельности, возможном лишь в ходе соревнования различных научных школ, в умении творчески использовать опыт зарубежной науки. Монополизм в науке, как и в других сферах жизни, нанес нам большой ущерб. Нужно разработать новый механизм координации, обмена опытом между учеными. Что греха таить, мы иногда лучше знаем наших зарубежных коллег, чем своих соотечественников. Это проявлялось недавно во время последних выборов в РАН, когда мы неожиданно для себя обнаружили мало или совсем незнакомых нам настоящих ученых-гуманитариев из российской глубинки.

Под подлинной, а не мнимой демократизацией Академии наук и академической науки следует понимать стремление всячески раскрепостить интеллектуальный потенциал ученого, стимулировать его инициативу, создать условия для всестороннего раскрытия его способностей, максимально использовать академию для социально-экономического прогресса и духовного возрождения России. В решении этой задачи важную роль должны сыграть гуманитарные науки, которые после революции не просто претерпели значительные изменения, но и во многом утратили свои традиции, ибо им был нанесен трудно восполнимый ущерб. Потребность в глубоком и оригинальном научном поиске, в осмыслении новых жизненных явлений была сведена к минимуму. Для ученых был закрыт доступ к архивным документам. Насаждались ложные догмы и стереотипы; провозглашающие незыблемыми основы вульгаризаторски трактуемой марксистской методологии. Талантливые ученые нередко отодвигались в сторону, а выдвигались приспособленцы и псевдореформаторы, вроде Митина, Вышинского и им подобных. Передача в систему АН СССР научных учреждений и основных сотрудников Коммунистической Академии, избрание в члены академии представителей партийно-государственной номенклатуры, борьба с инакомыслием, замалчивание или охаивание работ отечественных ученых, деятелей культуры, вынужденных эмигрировать за границу, репрессии против ученых, чьи научные взгляды не совпадали с официально провозглашенными идеологическими постулатами (таких, например, филологов, как И. К. Луппол, Е. Д. Поливанов, Н. А. Невский и многих других), — все это явилось причиной кризиса, в котором оказались многие направления нашего обществоведения и гуманитарных наук.

Но и тогда, в условиях тоталитарного режима, в наших гуманитарных науках было немало достижений. Назову лишь некоторых ученых-гуманитариев, чья научная деятельность раньше рассматривалась как неприоритетная, не лежащая на главном направлении «советской науки», но в последнее время избранных в состав академии: Это филологи В. Н. Топоров, Г. М. Фридлендер, С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, искусствовед Д. В. Сарабьянов и др.

За последние годы в нашем обществоведении наметились тенденции к обновлению, стремление к творческому поиску, к преодолению сверхполитизации и идеологизации. Однако процесс этот сложный и болезненный. И не только потому, что слишком глубоко пустило у нас корни и нелегко сдает свои позиции догматическое, стереотипное мышление, но и потому, что путь от утопии, от радужных мифов к жесточайшей реальности оказался куда более трудным, чем